

«ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ» К.А. ВИТТФОГЕЛЯ (к 50-летию «странной» книги)

Начиная с 1930-х годов, в советском обществоведении царилла схема-«пятичленка», согласно которой история человечества рассматривалась как прогрессивная последовательность пяти общественных формаций (от первобытнообщинной до коммунистической). Озабоченность советских ученых (прежде всего, историков) неполнотой этой формационной схемы нашла отражение в дискуссии об азиатском способе производства (АСП). Эта дискуссия оживлялась трижды — в те периоды, когда идеологическое давление несколько ослабевало и становилось возможным признать, что в «единственно верном» учении есть некие «белые пятна». Первая «волна» дискуссий прошла на исходе нэпа, в конце 1920-х—начале 1930-х гг. Следующий тур дискуссий состоялся в период косыгинских реформ, в середине 1960-х гг. Последний раз дискуссия об АСП оживилась в конце 1980-х гг., накануне гибели СССР¹.

Гибель СССР и резкое падение авторитета «марксизма-ленинизма» рикошетом привели к падению авторитета и формационной парадигмы как таковой. Широкое распространение получила позиция принципиального отказа от «больших теорий», стремление видеть и изучать лишь локальные проблемы без понимания их места в глобальной истории развития человечества. Такой подход, конечно, заметно обедняет возможности научного поиска. Постепенное возрождение интереса к «большим теориям» заставляет заниматься «повторением пройденного, но плохо усвоенного». К числу подобных концепций относится концепция «восточного деспотизма», выдвинутая в конце 1950-х гг. видным американским институционалистом Карлом Августом Виттфогелем.

В текущем году исполняется ровно 50 лет изданию «Восточного деспотизма»² — главной книги К.А. Виттфогеля. У этой книги в СССР была очень странная судьба: ее многие знали, но

почти никто не читал. В 1960-е и в 1980-е гг. участники дискуссий об АСП постоянно упоминали, что за рубежом интерес к этой проблеме связан главным образом с изданной в 1957 г. монографией К.А. Виттфогеля «Восточный деспотизм», автор которой-де хотя и отталкивался от идей К. Маркса, но многое «извратил» и «исказил», да и вообще был ярким антисоветчиком.

В СССР главным «грехом» К.А. Виттфогеля считали отмеченное в его книге типологическое сходство советской экономики с древними и средневековыми обществами АСП. В 1990-е гг. об этом сходстве говорили уже совершенно открыто, ссылаясь не только прямо на К.А. Виттфогеля, но и на М.С. Восленского и Р. Пайпса, которые лишь пересказывали идеи «Восточного деспотизма». Однако если популяризаторов идей К.А. Виттфогеля в России давно издали, то самого К.А. Виттфогеля переводить не стали. Видимо, его книга, казавшаяся слишком идеологизированной во времена «холодной войны, в наши дни кажется слишком научной. Действительно, прямой критике советского строя посвящена относительно малая (хотя и важная в содержательном отношении) часть «Восточного деспотизма». В отличие от некоторых современных квази-историков (типа Виктора Суворова), для которых дискредитация советского режима является главной целью всех рассуждений, у К.А. Виттфогеля антисоветские выводы стали лишь побочным результатом анализа социально-экономического строя древних и средневековых обществ Востока. Он старался, прежде всего, дать обобщающее описание основных институтов этих обществ, рассматриваемых как особая общественная формация.

Пятидесятилетняя годовщина — это хороший повод, чтобы вспомнить, о чем же именно писал К.А. Виттфогель.

Изгибы жизненного пути К.А. Виттфогеля

Биография коммуниста. Биография К.А. Виттфогеля относится к числу «обыкновенных биографий в необыкновенное время». Родившись 6 сентября 1896 г. в семье сельского учителя в Вольтерсдорфе (земля Ганновер), он за свою 92-летнюю жизнь был активным деятелем Германской компартии и видным теоретиком антисоветизма, узником фашистских концлагерей и свидетелем обвинения на маккартистских процессах в США.

Основные вехи его жизненного пути и научной деятельности таковы.

В 1915–1928 гг. Виттфогель учился в университетах Лейпцига и Берлина, изучая общественные науки. В 1928 г. он защитил докторскую диссертацию и начал работать в Институте социальных исследований во Франкфурте. Еще в 1920 г. он вступает в Коммунистическую партию Германии. В этот период Виттфогель ведет активную пропагандистскую деятельность, пишет ряд статей и брошюр по проблемам истории добуржуазных обществ, популяризируя марксистскую теорию общественно-исторического развития, и даже пробует свои силы в драматургии³. Важную роль в формировании его научных взглядов сыграло знакомство с воззрениями Макса Вебера и с концепцией азиатского способа производства К. Маркса. Большое влияние на его представления об азиатском способе производства оказали также работы Г.В. Плеханова. Во время поездок в СССР в 1928, 1931 и 1932 гг. Виттфогель выступал с научными докладами и лично познакомился со многими участниками «больших дискуссий» про АСП (в которых, правда, ему не удалось принять участия).

Со второй половины 1920-х гг. начинают выходить его научные исследования, посвященные как общетеоретическим проблемам, так и конкретно-экономическому анализу истории и современности Китая. Некоторые из них переводились в СССР⁴.

Важнейшее направление его исследований в этот период — изучение производительных сил общества. Один из немногих среди марксистов-обществоведов 1920-х гг., он рассматривал производительные силы как сложную, динамически развивающуюся систему, не сводимую к утверждениям типа «мельница создала феодализм, а паровая машина — капитализм». На основе анализа работ К. Маркса Виттфогель систематизировал категориальный аппарат теории производительных сил. Особое внимание при этом он обращал на выделение естественно-обусловленных («природа человека», внешние природные условия) и общественно-обусловленных (общественная комбинация процесса труда, квалификация работника, искусственные средства труда и первичное сырье) составляющих. Исходным пунктом исторического развития он считал «природную обусловленность» (прежде всего, географические условия). В ходе дальнейшего развития

«общественные моменты» выступают как «активно движущая сторона», а «естественные моменты» — как фактор пассивный, но значимый — как общие рамки процесса. Виттфогель, одним из первых в марксистской литературе 1920–1930-х гг., попытался выделить основные стадии развития производительных сил от доклассовых «примитивных обществ» к добуржуазным «земледельческим классовым обществам», а затем к «промышленному капитализму» и социализму⁵.

Как специалист по экономической истории Китая, Виттфогель в своих произведениях подчеркивал огромное научное значение марксовской концепции азиатского способа производства и активно использовал ее в своих исследованиях. Наиболее фундаментальный его труд этого периода — «Экономика и общество Китая» (1931 г.); из задуманного двухтомника вышел лишь первый том — «Производительные силы. Процесс производства и обращения»⁶. Азиатский строй («государство крестьян и чиновников») рассматривалось как особая классово-эксплуататорская общественная система, отличная и от античного рабовладения, и от феодализма. Следует отметить его очень интересную попытку построить на материале истории Китая абстрактную макроэкономическую схему воспроизводственного процесса (по образцу таблицы Кенэ) для азиатского общества⁷.

После прихода в Германии к власти фашистов Виттфогеля как участника коммунистического движения подвергают аресту, в течение нескольких месяцев он находился в тюрьмах и концлагерях. В 1934 г. ему удается эмигрировать в Америку, где он принимает американское гражданство и отходит от политической деятельности, сосредоточиваясь на научной работе, посвященной истории Китая. Виттфогель как профессор преподавал историю Китая в Колумбийском (Нью-Йорк) и Вашингтонском (Сиэтл) университетах. Важную роль в развитии его научных взглядов сыграло пребывание в 1935–1937 гг. в Китае, использованное им для накопления конкретно-исторической информации.

Биография антикоммуниста. В 1939 г., под влиянием известий о сталинских репрессиях и о советско-германском пакте, Виттфогель официально порывает с коммунистами и переходит на открыто антикоммунистические позиции. Во время маккартистского расследования в США в 1951 г. против американс-

ких синологов он выступил как активный свидетель обвинения, чем надолго заслужил одиозно негативную репутацию среди западной интеллигенции. Хотя после «Большого террора» многие западные интеллектуалы левых убеждений разочаровались в сталинской версии социализма, немногие из них переходили «на другую сторону баррикад». По словам К.А. Виттфогеля, «концентрируя всю проблему на том, что они называют “феодальной” земельной собственностью, коммунисты фокусируют энергию крестьян на вопросе собственности и отвлекают их от правящей бюрократии, которая у них имелась в прошлом и которую коммунисты намереваются насадить повсюду в будущем»⁸. Уже сама приверженность оппонентов «феодальной» трактовке общественного строя Китая критиковалась Виттфогелем как использование «коммунистической» терминологии и идеологическая близость коммунизму.

Параллельно с изменением политических взглядов К.А. Виттфогеля несколько меняется и методологическая направленность его исследований. Он продолжает заявлять о себе как об «истинном марксисте», но фактически примыкает к институциональному (идущему от Т. Веблена) течению экономической мысли. Главное внимание он теперь уделяет не материальному производству, как ранее, а надстроечным факторам — прежде всего, политическим институтам (форме государственной власти).

В послевоенный период Виттфогель создает оригинальную институциональную концепцию исторического развития обществ Востока. Впервые она нашла отражение в написанной им совместно с Фэн Цзяшэном «Истории китайского общества Ляо» (1949 г.). Однако венцом его научной деятельности стала монография «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (1957 г.). Эта книга была написана на материалах истории не только Китая, но и многих других докапиталистических стран (включая Египет, государство инков и др.), которые можно причислить к «гидравлическим обществам». Монография К.А. Виттфогеля быстро стала международным научным бестселлером: только в 1960-е гг. она вышла в шести изданиях — в Японии, США, ФРГ, Франции, Испании и Италии. Хотя популярность этой книги изначально имела оттенок политической ангажированности, авторы рецензии в «New York

Times» справедливо назвали ее «важным вкладом в понимание человеческой истории»⁹.

Автору «Восточного деспотизма» было уже более 60 лет, но он продолжал до 1966 г. активную преподавательскую деятельность в Колумбийском и Вашингтонском университетах, заслуженно считаясь одним из признанных авторитетов в экономической истории Китая¹⁰. В 1960-1970-е гг. К.А. Виттфогель продолжал популяризировать свою концепцию «гидравлического общества». Как активный участник интеллектуальной «холодной войны», он не раз выступал с резкой критикой политики и общественного строя СССР и КНР. Поскольку в 1970-е советский строй перестал пользоваться симпатией интеллектуалов Западе, антисоветизм Виттфогеля перестал вызывать резкое неприятие в научных кругах. Рост интереса к компаративным исследованиям стимулировал подъем интереса и к сравнительно-историческим исследованиям. Виттфогеля начали ставить рядом с А. Тойнби. В праздновании его 80-летия в 1976 г. приняли участие ученые четырех университетов (Вашингтонского, Колумбийского, Мюнхенского и Нотр-Дам), подготовившие специальный сборник статей «Общество и история»¹¹ под редакцией Г. Ульмена, ученика К.А. Виттфогеля.

Советские исследователи-обществоведы более 30 лет могли черпать информацию о «Восточном деспотизме» преимущественно из различных критических рецензий и обзоров¹². Поскольку Виттфогель имел одиозную репутацию антикоммуниста и антисоветчика, то его идеи излагались, как правило, в гиперкритическом ключе. Книга о «восточном деспотизме» при таком предвзятом подходе принимала малопривлекательный вид сборника ошибок, натяжек, извращений и т.д., а сам он — «ученого апологета капитала и колониализма»¹³.

При общем критическом настрое всех просоветских рецензентов наибольшей глубиной и комплексностью отличается рецензия Ю.А. Левады, напечатанная спустя считанные месяцы после публикации в США «Восточного деспотизма». Последующие публикации затрагивали преимущественно отдельные аспекты концепции К.А. Виттфогеля: А.И. Павловская анализировала соотношение «восточного деспотизма» и марксовской теории азиатского способа производства; М.П. Павлова-Сильванская

сделала обзор зарубежных откликов на «восточный деспотизм»; Б.В. Андрианов рассмотрел «гидравлические» аспекты концепций немецко-американского институционалиста.

Карл Август Виттфогель умер в Нью-Йорке 25 мая 1988 г., не дожив нескольких лет до крушения социалистического лагеря. Популярность «Восточного деспотизма», однако, заметно пережила его автора.

В публикациях последних лет существования социалистического лагеря тон отзывов начал изменяться: обществоведы-марксисты, наконец, начали признавать заслуги К.А. Виттфогеля в распространении и развитии ценных идей марксистского обществоведения. Но в 1990-е и марксизм, и «большие теории» вообще стали подвергаться уничтожающей критике. В результате идеи Виттфогеля снова ушли из поля зрения российских историков¹⁴.

Вплоть до 1990 г. книга К.А. Виттфогеля находилась в многих центральных библиотеках Союза на специальном хранении. Сейчас она переведена, конечно, в режим свободного доступа, но реальный доступ к ней имеют лишь ученые столичных мегаполисов. Между тем ее содержание достаточно интересно для самых широких кругов российских обществоведов.

Предпосылки генезиса «восточного деспотизма»

Книга Виттфогеля довольно четко делится на три блока (табл. 1). Сначала (первые две главы) автор объясняет понятийный аппарат своего исследования и предпосылки генезиса «восточного деспотизма». Основная часть книги (3–8-я главы) посвящена характеристике основных институтов добуржуазных цивилизаций Востока — прежде всего, того, что позже советский востоковед Л.С. Васильев назвал властью-собственностью. Наконец, в финальной части книги (последние две главы) излагается историография теории азиатского способа производства и современная ее актуальность (вот здесь-то и проявляется наиболее четко пресловутая «антисоветчина»).

Даже по названиям глав видна любопытная особенность стиля изложения книги: автор старался дать не сугубо-академические, а «хлесткие» заголовки, похожие на афоризмы. Вероятно, он изначально видел читателями своей книги не только (и даже

не столько) своих коллег-востоковедов, сколько самые широкие круги интеллектуальных читателей. Действительно, книга написана доступным для неспециалистов стилем, с множеством интересных конкретно-исторических примеров, из-за чего воспринимается как издание типа «Постижения истории» А. Тойнби или «Этногенез и биосфера Земли» Л.Н. Гумилева.

Таблица 1

Структура «Восточного деспотизма» К.А. Виттфогеля

Главы монографии К.А. Виттфогеля «Восточный деспотизм»	Объекты анализа
1. «Естественные основы гидравлического общества»	Естественные производительные силы
2. «Гидравлическая экономика — государственно-менеджеральная и поэтому действительно политическая экономика»	Социальные производительные силы
3. «Государство сильнее, чем общество»	Государственная монополия на экономическое руководство как основной институт
4. «Деспотическая власть — тотальная и неблагоприятная»	Границы развития и степень государственного монополизма
5. «Тотальный террор — тотальное подчинение — тотальное одиночество»	Механизм внеэкономического принуждения
6. «Центр, периферия и субпериферия гидравлического мира»	Типологизация азиатских обществ в их развитии
7. «Формы частной собственности в гидравлическом обществе»	Частнособственнические отношения как подчиненные (внесистемные) отношения
8. «Классы в гидравлическом обществе»	Социальная стратификация
9. «Взлет и падение теории азиатского способа производства»	Историография проблемы
10. «Восточное общество на переломе»	Азиатский строй в исторической перспективе

В первой главе Виттфогель анализировал «Естественные основы гидравлического общества». Он обращает здесь основное внимание на особую роль орошения для сельского хозяйства

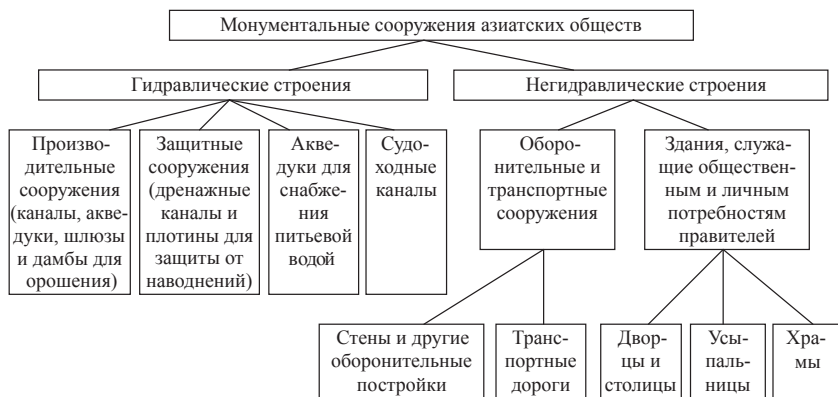

стран Востока. По его словам, без «актуализации скрытого гидравлического потенциала» прогрессивное развитие во многих регионах (прежде всего, в аридных, таких как, скажем, Египет) оказывается совершенно невозможным. Поэтому узловой категорией в концепции К.А. Виттфогеля становится понятие «гидравлическое общество» — общество, основанное на «гидравлической экономике» (т.е. на регулировании орошения).

Вторая глава книги К.А. Виттфогеля называется «*Гидравлическая экономика — государственно-менеджеральная и поэтому действительно политическая экономика*». В названии главы звучит игра слов: «political economy» можно перевести и как «политическая экономия» (традиционное для марксистов название экономической теории), и как «политическая экономика» (т.е. подчинение экономики политике). Эта глава является одной из ключевых — она посвящена участию азиатского государства в производственных процессах.

«Гидравлическое» сельское хозяйство обуславливает, по мнению К.А. Виттфогеля, своеобразную форму разделения труда — на руководителей-«плановиков» и рядовых исполнителей. «Даже простейшая форма гидравлического строительства требует большой координационной работы. Обширные задачи требуют всеохватывающе и многосторонне организованного планирования», — писал он (С. 52)¹⁵. В результате формируется обширная социальная группа профессиональных руководителей. «Действенное осуществление гидравлических задач... требует организационной структуры, которая охватывает население всей области», т.е. ведет к генезису политарных образований. Таким образом, основу «гидравлической» экономики образуют крупные сооружения для орошения и защиты от наводнений.

Создание этих сооружений, однако, не единственный вид крупномасштабных строительных работ на Востоке. Виттфогель приводит в своей работе общую типологию объектов монументального строительства (рис. 1), в которой наряду с «гидравлическими строениями» фигурируют многочисленные негидравлические — оборонительные сооружения, дороги, храмы и т.д. Можно сказать, что исходным моментом генезиса «восточного деспотизма» выступает необходимость *любых* крупномасштабных работ, требующих централизованного управления.

Рис. 1. Типология монументальных сооружений восточных обществ

После обзора истории общественных сооружений в разных регионах мира (Китай, доколумбова Америка, Индия и т.д.) Виттфогель сравнивает степень государственного вмешательства в экономику в различные исторические периоды (табл. 2). Он отмечает, что государственное регулирование экономики наблюдалось в добуржуазных обществах не только на Востоке, но и на Западе (в частности, при феодализме). Однако Виттфогель приходит к выводу, что основное отличие «гидравлического общества» от других социально-экономических систем лежит все-таки именно в сфере государственно-организованного строительства крупных водохозяйственных сооружений (С. 76). Далее он указывает, что «власть гидравлического государства над работниками была сильнее, чем власть над ними капиталистического предпринимателя», так как на Востоке работник не мог «свободно торговать на рынке труда»: даже когда азиатское государство нанимало работников за плату, оно произвольно определяло их жалование, подвергая военной дисциплине (С. 77).

Институты «восточного деспотизма»

Самая главная, третья глава книги К.А. Виттфогеля имеет красочное название «*Государство сильнее, чем общество*» и повествует об условиях становления тотальной власти азиатского государства.

Таблица 2

**Государственное управление сельским хозяйством
и промыслами в различных социально-экономических
системах, по К.А. Виттфогелю**

«Институциональные формации»	Государственное руководство					
	агропроизводством		промыслами			
	Крупные водоохозяйственные работы	Земледелие	Горные промыслы	Строительство	Крупные промышленные предприятия	Мелкие промышленные предприятия
«Гидравлическое общество»	<i>Очень важно</i>	Маловажно или отсутствует	<i>Очень важно</i>	<i>Очень важно на государственном уровне</i>	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует
Государства классической Греции	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует
Средневековая Европа	Маловажно или отсутствует	<i>Преобладает, но на локальном уровне</i>	Маловажно или отсутствует	<i>Преобладает, но на локальном уровне</i>	<i>Преобладает, но на локальном уровне</i>	Маловажно или отсутствует
Европа эпохи меркантилизма	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует	Маловажно или отсутствует

«Гидравлическое государство, — указывает Виттфогель, — это настоящее менеджериальное государство. Как господин гидравлических и других крупных предприятий, гидравлическое государство создает негидравлическим силам общества условия, невозможные для их объединения в независимые корпорации, которые могли бы противостоять политическому аппарату» (С. 79). Таким образом, имеющее неограниченную власть го-

сударство моно-центричных гидравлических обществ Востока является антитезой контролируемому государству полицентричных обществ стран Запада.

Для поддержания своей неограниченной власти азиатское государство создавало разветвленную структуру макроэкономического учета и управления. «...Среди всех оседлых народов пионеры гидравлического сельского хозяйства и государственного искусства были первыми, кто развил рациональные методы счета и письма... Правители гидравлического общества были великими мастерами, потому что они были великими организаторами; они были великими организаторами, потому, что были великими бухгалтерами» (С. 80–81). В монографии приведены многочисленные сведения об организации на Востоке систем регистрации населения и земли, о распределении воды для орошения, о государственном транспорте и службах связи, о содержании многочисленной армии (С. 81–101).

«Консолидация гидравлических отношений... идет рука об руку с тенденцией освобождать руководителя от сельскохозяйственного труда, чтобы он мог полностью себя посвятить светским или религиозным общественным делам. С этой целью поданные правителя обычно обрабатывают его землю, подобно тому, как они вместе работают на оросительных и защитных сооружениях...» (С. 102). С развитием производительных сил обработка на государственных полях заменяется поземельным налогом (С. 103–105). Помимо регулярного налогообложения доходы государства пополняются за счет различных конфискации.

Частная собственность выступает при азиатском строе как собственность ослабленная, подчиненная государственному контролю и произволу. Если бы К.А. Виттфогель был знаком с предложенным Л.С. Васильевым понятием «власть-собственность», он, пожалуй, вполне мог бы его принять¹⁶.

Религиозные авторитеты на Востоке не ограничивают вселикие государства, а, напротив, подчинены ему. Таким образом, единая система тотальной власти объединяет три функциональных аспекта (административный, военный и культовый), что придает азиатскому государству огромную прочность.

В четвертой главе, «*Деспотическая власть — тотальная и неблагоприятная*», Виттфогель продолжает исследовать азиатс-

кий государственный тоталитаризм, стремясь оценить границы тотального контроля государства над обществом. С одной стороны, на Востоке нет никаких законодательных ограничений, нет и общественных противовесов «гидравлическому» режиму. Однако власть гидравлической деспотии, как утверждал К.А. Виттфогель, неограниченна («тотальна»), но не вездесуща. Что же мешает тотальной власти расширить свой авторитет на все сферы жизни?

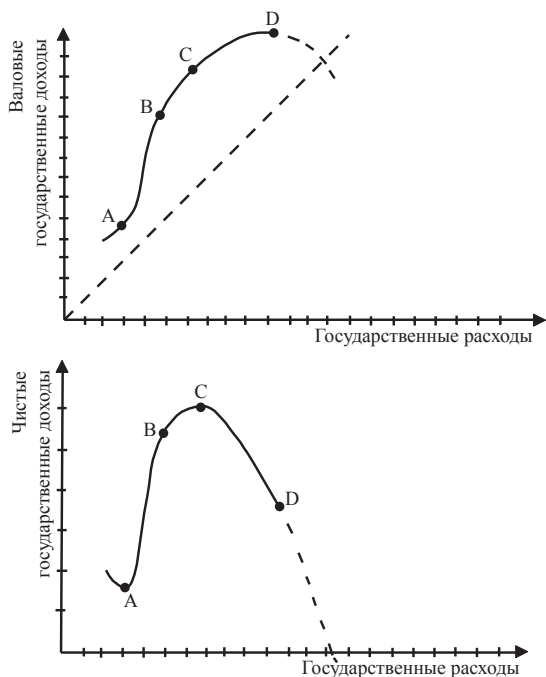
Дело в том, что «деятельность представителей гидравлического режима определяется законом снижающейся административной отдачи», который представляет собой специфическое проявление закона меняющейся административной отдачи. Этот закон можно объяснить при помощи предлагаемой автором данной статьи простой модели (рис. 2), на которой показаны выделенные К.А. Виттфогелем этапы расширения азиатского государства:

- первоначально азиатскому государству удается с относительно малыми дополнительными затратами достигать значительного увеличения сельскохозяйственного и государственного доходов (на нашей схеме — это участок АВ);
- «развертывание руководимых государством предприятий замедляется, когда административные издержки приближаются к административному доходу» (участок ВС);
- в конце концов, достигается такая точка насыщения (точка С), что в дальнейшем «растущие административные усилия стоят больше, чем то, что они приносят»;
- «несоразмерность достигает своего пика (точки D), когда равные издержки вообще не приносят более никакого дополнительного дохода» (С. 152), а ведут к сокращению чистого дохода государства.

Аналогичная закономерность действует в сфере политических отношений: когда расходы режима, направленные на достижение неоспоримого военного и политического контроля, достигают некоторой точки насыщения, то растет разрыв между растущими затратами режима и его падающим политическим авторитетом.

В результате, «несмотря на отдельные кратковременные попытки вмешиваться во все, что только можно, они (чиновники. — Ю.Л.) ограничивались контролем [лишь] за стратегически важными сферами их общества... Закон снижающейся админис-

тративной отдачи... вынуждал... обеспечивать большинству индивидов и отдельным второстепенным организациям известную степень свободы» (С. 155).

Рис. 2. Графическая интерпретация сформулированного К.А. Виттфогелем закона снижающейся административной отдачи при «восточном деспотизме»

Но в целом в столкновении интересов правителей и поданных первенство оставалось все же за интересами правителей. «...Правители аграрного аппаратного государства решали свои строительные, организационные и фискальные задачи с максимальным учетом своих собственных интересов и с минимальным учетом интересов своих поданных» (С. 174). Это находило выражение, в частности, в стремлении правительства максимизировать свои доходы при минимизации гидравлических расходов — присвоить наивысшую массу благ и расходовать их в наибольшей степени на престижное потребление (табл. 3). Таким образом, гидравлическая деспотия выступает как «не-

благосклонная по форме и враждебная народу по существу» (С.183).

Таблица 3

**Различие целевых оптимумов разных социальных групп
«гидравлического общества»**

Целевой оптимум	В менеджеральной сфере	В сфере потребления
Правителей	Максимальный доход правителей с минимальными гидравлическими расходами	Присвоение правителями наибольшей массы благ для расходования их преимущественно на престижное потребление
Народа (подданных)	Максимальная гидравлическая производительность с минимальными административными затратами	Присвоение негосударственными представителями общества наибольшей массы благ для использования их на собственные нужды

В пятой главе, которая называется «*Тотальный террор — тотальное подчинение — тотальное одиночество*», Виттфогель анализирует механизм деспотической тирании «людей государства» над подданными.

Поскольку доминирует рационально-целевой оптимум властителя, постольку для его достижения необходимы различные формы террора. «Этот общепринятый террор в управленческих, фискальных и правовых процессах привел к тому, что гидравлический деспотизм называют “правительством с хлыстом”» (С. 191). Виттфогель приводит обширное количество конкретно-исторических данных, доказывающих узаконенность в разных странах Востока избиений при «выколачивании налогов», пыток в судебном процессе и т.д. Сами формы террора могли быть более мягкими, рациональными или более жесткими. В любом случае человек всегда находился в тени тотального террора, что порождало настроенность на тотальное послушание и приспособленчество, атмосферу постоянного страха и отчужденности.

В следующей, шестой главе Виттфогелем исследуются «*Центр, периферия и субпериферия гидравлического мира*». Речь идет о типологизации восточных обществ. «Гидравлическое общество есть институциональный строй, который не

может быть полностью объяснен географическими, технологическими и экономическими факторами. Реакция на окружающую среду есть... решающий момент в возникновении гидравлического строя, но она проявляется все же только при весьма специфических культурных предпосылках...» (С.214). По мнению К.А. Виттфогеля, многие восточные общества (в том числе царская Россия) были «азиатскими деспотиями», но у них не было «гидравлической экономики».

«Насколько гидравлическим было гидравлическое общество?» — спрашивает Виттфогель. Отвечая на этот вопрос, он развертывает три различные, но связанные друг с другом классификации азиатских обществ.

Первый используемый им критерий — это степень целостности гидравлической системы. «Большинство... гидравлических народов и империй обладали ядром с непрерывным гидравлическим единством, — пишет он, — однако гидравлический строй этих огромных политических объединений, взятый в целом, чаще всего был... прерывистой формы». Иначе говоря, далеко не во всех «гидравлических обществах» существовала целостная оросительная система; чаще экономика состояла из нескольких относительно самостоятельных оросительных комплексов.

Второй критерий — соотношение «между гидравлической агрокультурой и негидравлическим (основанном на дождевых осадках) сельским хозяйством». Здесь Виттфогель выделяет состояния:

- абсолютного экономического превосходства;
- относительного экономического превосходства;
- превосходства сугубо организационно-политического (С. 216–218).

Комбинирование этих двух критериев позволяет выделить четыре типа гидравлических обществ: два гидравлически плотных (непрерывная и прерывистая разновидности) и два гидравлически рыхлых (с локальным доминированием гидравлической агрокультуры и без такового). В книге приводятся конкретно-исторические примеры таких обществ. «Крупные гидравлические империи, как правило, ...являлись рыхлыми гидравлическими обществами, которые... имели в своем составе компактные гидравлические районы» (С. 220).

Третий критерий — это происхождение аграрного деспотизма. Здесь Виттфогель выделяет:

- центральные (первичные) гидравлические области;
- периферию и субпериферию гидравлического мира (вторичные — маргинальную и субмаргинальную зоны).

Россия, по его мнению, относится именно к субмаргинальной окраине гидравлического мира: семена «восточного деспотизма» были занесены в нее из далекого Китая при посредничестве татаро-монголов в XIII в.

В итоге перед нами предстают, по Виттфогелю, семь типов гидравлических обществ (см. рис. 3):

- четыре «центральных типа», среди них:
  - два гидравлически плотных (как в Египте и Китае),
  - два гидравлически рыхлых (как в Индии и государстве ацтеков);
- два маргинальных типа:
  - один со «значительными гидравлическими подразделениями»,
  - другой без таковых (как в Византии);
- субмаргинальный тип (как в Турции и России).

«Типы более высокой гидравлической плотности... никоим образом не являются более распространенными... Среди исторически значительных гидравлических обществ, и в особенности среди крупных объединений, плотные типы остаются исключением», — подчеркивает автор (С. 198). Хотя «возникновение гидравлического общества существенно связано... с наличием гидравлической в собственном смысле этого слова экономики», в целом «аграрно-менеджеральный строй как институциональная целостность «прогрессирует» не к более высокой, а к более низкой ступени гидравлической плотности» (С. 290).

В седьмой главе автором анализируются «*Формы частной собственности в гидравлическом обществе*». К.А. Виттфогель выделяет три основные формы развития собственности:

- простую («когда независимая частная собственность... играет незначительную роль»);
- полуконфликтную («когда независимая активная собственность сильно развита в промышленности и в торговле, но не в сельском хозяйстве»);

- комплексную (когда частная собственность развивается во всех сферах экономики) (С. 395).

**Рис. 3. Типология «гидравлических обществ»,
по К.А. Виттфогелю**

Далее Виттфогель прослеживает развитие отношений собственности в тесной взаимосвязи с эволюцией государственной структуры. «Аграрное аппаратное государство... обладало монополией на все строительные работы монументального стиля... Вследствие этого основанное на частной собственности и независимое ремесло не имело никаких шансов пробиться в самый важный сектор гидравлической промышленности... Возможнос-

ти частной собственности в крупной добывающей промышленности также были малы. Лишь в нестроительном секторе перерабатывающей промышленности частное свободное ремесло могло достигать некоторого значения» (С. 310–311).

Анализируя развитие торговли на Востоке, Виттфогель на конкретно-исторических материалах (из истории Гавайи, империи инков, Египта, Китая, Шумера) обрисовывает деятельность государственных торговых чиновников и «бюрократических капиталистов» — купцов, которым государство предоставляло исключительные возможности для торговли, но контролировало цены и доходы (С. 325). «В плотном гидравлическом обществе плотный бюрократический аппарат действует... как губка, способность которой впитывать существенные функции промышленности и торговли превышает при равных условиях абсорбционную способность менее плотных гидравлических обществ» (С. 325). При снижении гидравлической плотности простор для частнособственнических отношений расширяется. Однако в целом при «восточном деспотизме» собственность как таковая приносит лишь доход, но не политическую власть.

В восьмой главе К.А. Виттфогель рассматривает *«Классы в гидравлическом обществе»*. Решающим критерием классовой стратификации на Востоке выступает, по его мнению, отношение к государственному аппарату (С. 380). Господствующим классом становится «монополярная бюрократия», подчиненным классом — масса подданных. В таком обществе «многообразны социальные противоположности, но мало классовой борьбы», поскольку «классовая борьба парализуется тотальной властью» (С. 409–410).

«Восточный деспотизм» как антисоветский марксизм

Читатель, знакомясь с изложением идей К.А. Виттфогеля, может удивиться тому, что в них нашли нечто антисоветское. Действительно, основное содержание «Восточного деспотизма» мало связано с историей России/СССР. В своей монографии К.А. Виттфогель, подчеркивая многие параллели между докапиталистическими обществами Востока и советским строем, не выдвигает их на первый план. Прямая политическая полемика оказывается у него отодвинутой задачами творческого переос-

мысления марксистской формационной парадигмы. К непосредственному осмыслению социально-политических реалий современной ему эпохи Виттфогель возвращается лишь в заключительных главах.

«Щекотливые» сюжеты начинаются с девятой главы, которая носит название *«Взлет и падение теории азиатского способа производства»*. В этой главе Виттфогель дает обзор развития концепции азиатского способа производства в рамках марксистской идеологической парадигмы.

«Марксовская концепция азиатского общества, — писал автор *«Восточного деспотизма»*, — основывается преимущественно на соображениях представителей классической политэкономии — Р. Джонса и Д.С. Милля» (С. 460). В течение определенных периодов своей жизни Маркс, Энгельс и даже Ленин были, как утверждает Виттфогель, сторонниками данной концепции. «Означает ли все это, что Маркс, Энгельс и Ленин полностью и без колебаний поддерживали классическую концепцию азиатского общества? Никоим образом! ...Первый марксист, который принял концепцию азиатского общества, был и первым, кто ее искажил — это был сам Маркс. Он искажил ее (и это характерно) тем, что он выкинул идею бюрократического господствующего класса» (С. 470).

Виттфогель подробно разбирает, как в трудах основоположников марксизма происходил, как он пишет, «отход от истины». «На теоретическом уровне реакционный потенциал марксизма рано проявился в выступлениях его основоположников против [теории] восточного деспотизма. Этот реакционный потенциал проявился на практике в огромных масштабах, когда спустя девять месяцев после свержения полуменеджерияльного царского аппаратного государства большевистская революция проложила путь к взлету тотально-менеджерияльного аппаратного государства СССР» (С. 484). После революции в СССР образцом теории общественного развития стал доклад В.И.Ленина «О государстве» (1919 г.), в котором нет ни единого слова о специфическом азиатском обществе и азиатской реставрации.

Попыткой возрождения концепции АСП была, например, ленинградская дискуссия 1931 г.; однако «когда приверженцы “феодального” тезиса осудили весь “азиатский” лагерь как троц-

кистский, то они придали дебатам завершающий характер... По моему мнению, — пишет Виттфогель, — это был единственный случай, когда советские идеологи обсуждали с известной открытостью политическое значение теории азиатского общества» (С. 502). В результате сложилась такая ситуация, что теория АСП затемнялась и скрывалась как в коммунистическом мире, так и (под влиянием пропаганды коммунистической идеологии) в странах Востока и индустриального Запада.

В финальной, десятой главе своей книги, *«Восточное общество на переломе»*, К.А. Виттфогель рассматривает восточный строй в общеисторической перспективе.

Все до-индустриальные цивилизации он делит на пять институциональных формаций:

- 1) стратифицированные общества кочевников-номадов;
- 2) «гидравлические общества»;
- 3) и 4) античные общества Греции и Рима, основанные на плоти, свободном крестьянстве и рабстве;
- 5) средневековые феодальные общества Западной Европы (С. 516–520).

Одни из этих общественных систем способны к прогрессивному развитию, другие — нет. «Гидравлическое общество есть... классический пример общественной стагнации. Эта общественная форма... меняет свой основополагающий строй только под влиянием приходящей извне силы» (С. 521). Без активного воздействия со стороны Запада спонтанный генезис полицентрического общества на деспотическом Востоке Виттфогель считал невозможным.

И только теперь, в самом конце своей книги, К.А. Виттфогель прямо высказывает свое мнение о советской экономической системе. «По марксистско-ленинским критериям, — пишет он, — в Советской России... не было социализма. Не было там также и азиатской реставрации» (С. 543–544). Дело в том, что «аграрный деспотизм древнего общества, который был в лучшем случае полуменеджеральным, объединял тотальную политическую власть с ограниченным социальным и духовным контролем. Индустриальный “деспотизм” полностью развившегося и тотально-менеджерального аппаратного общества объединял тотальную политическую власть с тотальным социальным и духовным контролем»

(С. 544–545). Иначе говоря, советский строй типологически близок архаичному «восточному деспотизму», но превосходит его по степени тоталитарного контроля государства над обществом.

«Может ли Запад задержать это развитие, которое распространило систему бюрократического государственного рабства на две трети человечества?» — спрашивает в заключении автор книги (С. 551). «Мы, несомненно, находимся, — указывал он, — в центре открытой исторической ситуации, и у нас, несомненно, есть свобода сделать направляющий выбор» (С. 553).

В 1976 г. К.А. Виттфогель написал новое предисловие к своей главной монографии, в котором усилил антисоветский характер своих выводов. Он указал, что, по его мнению, существует две разновидности «восточного деспотизма»:

- «полностью восточные общества» с крупными государственно-организованными работами и
- «полуазиатские общества», в которых «экономические отношения аграрно-гидравлического производства играли ничтожную роль или не играли почти никакой роли» (С. VI).

Именно ко второму типу относилась Россия, а та общественная система, которая была создана в СССР, «привела не к социализму, а к новой форме восточного деспотизма» (С. VII). Хотя ее экономический потенциал в сфере производства потребительских благ весьма слаб, она может обеспечивать мощный военно-экономический потенциал, вполне достаточный, чтобы нести угрозу тоталитаризма странам Запада (С. VIII–IX). Поэтому необходимо проанализировать истоки этого феномена. Между тем «аналитический ключ к пониманию азиатского мира» — концепция специфического азиатского общественного строя — долгое время находился в забвении, к чему приложили немало усилий Сталин и его последователи (С. VIII).

Мы видим, что К.А. Виттфогель резко отрицательно относился к коммунистическим режимам СССР и Китая, но был далек от мысли видеть в них истинное воплощение социалистической идеи. Критикуя Маркса, Энгельса и Ленина за отказ по политическим соображениям от защиты концепции азиатского строя, Виттфогель признавал их важный вклад в разработку этой концепции и считал истинным последователем идей Маркса себя, а не советских обществоведов.

В советской литературе вызвали наиболее резкую негативную реакцию как раз претензии Виттфогеля выступить наследником идей Маркса. К тому времени критику «буржуазных экономистов» (типа Ф. фон Хайека) было принято просто не замечать, поскольку такие критики «не доросли» до марксизма. Виттфогель стал мишенью для критики в первую очередь потому, что, по мнению многих критиков, нельзя одновременно быть марксистом и антисоветчиком. Анализ содержания «Восточного деспотизма» позволял сделать вывод, что творческое развитие идей марксистского обществоведения на самом деле неотрывно связано с критическим осмыслением практики «реального социализма». Тем самым Виттфогель в 1950-е гг. во многом предвосхитил левых радикалов Запада 1960–1970-х гг., которые тоже считали Маркса одним из своих идейных вдохновителей, но критически оценивали советскую экономическую систему.

Достоинства и недостатки «Восточного деспотизма»

Общетеоретические аспекты. Наш беглый обзор «Восточного деспотизма» К.А. Виттфогеля показывает, что главное достоинство его монографии — это системный подход к анализу специфического азиатского строя. Нетрудно заметить, что структура «Восточного деспотизма» имеет в своей основе некоторые черты исследовательской методологии марксистского обществоведения: сначала характеризуется система производительных сил восточного общества (гл. 1, 2), затем — система его производственных отношений (гл. 3–8), среди которых выделено основное, а последние главы (гл. 9–10) содержат практические политические выводы. Правда, в отличие от ортодоксально-марксистской политико-экономической парадигмы Виттфогель почти не анализирует специфические для азиатского строя отношения эксплуатации, уделяя вместе этого основное внимание изучению отношений внеэкономического принуждения.

В рамках этой структуры Виттфогелю удалось сделать ряд ценных теоретических обобщений. Наиболее интересными (и недооцененными!) из них, на наш взгляд, являются концепция измерения уровня экономической активности государства по показателям гидравлической плотности, а также закон снижающейся административной отдачи, который определяет границы

этой активности. Автор «Восточного деспотизма» соединяет тем самым концептуальный каркас марксовской концепции азиатского строя с исследовательским инструментарием экономикса, делая возможным перевод теоретических постулатов на язык цифр, формул и графиков. Тем самым закладываются предпосылки для органичного включения концепции азиатского способа производства в единую теорию сравнительного анализа различных экономических систем (на эту цель указывает сам подзаголовок монографии — «Сравнительное изучение тотальной власти»).

У книги К.А. Виттфогеля странная научная репутация: на нее часто ссылаются, но среди отзывов на нее критические замечания превалируют над одобрением. Некоторые из этих замечаний вполне справедливы, другие — лишь отчасти.

Характеризуя концепцию «восточного деспотизма» в целом, оппоненты, как правило, упрекают ее автора в схематизме, в доминировании абстрактно-теоретического анализа над конкретно-историческим, да еще с сильным европоцентризмом. Все до-колониальные цивилизации Востока оказались у Виттфогеля объединены в одну «институциональную формацию», характеризующуюся «деспотической властью» и неспособностью к развитию. Даже в 1950-1960-е гг. нивелировка и «третирование» всех неевропейских цивилизаций вызывала неодобрение. Когда же началась «эпоха политической корректности», то виттфогелевский образ деспотического и застойного Востока стал восприниматься как неприличный для серьезного обсуждения.

Отметим, что эти оценки обусловлены не столько специфическими особенностями концепции «восточного деспотизма», сколько неизбежной ограниченностью формационного анализа как такового. Ведь концепция Виттфогеля, при всех оговорках, развивается именно в рамках формационной парадигмы. Между тем вторая половина XX в. характеризуется снижением популярности формационных концепций и ростом популярности концепций цивилизационных. Советские обществоведы удовлетворенно констатировали, что великий Арнольд Тойнби, также занимавшийся исторической компаративистикой, отверг «Восточный деспотизм»; они не понимали, что цивилизационная парадигма, созданная А. Тойнби, отвергает любые версии формационного анализа, будь они ортодоксально-марксистскими или «ренегатскими».

Итак, К.А. Виттфогель оказался «своим среди чужих, чужим среди своих». Западные обществоведы плохо воспринимали используемую К.А. Виттфогелем методикку формационного анализа. Советские же обществоведы (для которых эта методика являлась единственно возможной) не могли принять критики в адрес «социалистического лагеря». Ученых, которые бы принимали идущую от Маркса теорию общественных формаций, но критически относились к СССР, оказалось очень немного.

Конкретно-исторические аспекты. В том, что касается более конкретных замечаний в адрес К.А. Виттфогеля, внимание критиков концентрировалось, прежде всего, на двух аспектах: во-первых, на проблеме генезиса «гидравлического общества», во-вторых, на проблеме развития этого общества.

Когда Виттфогель рассматривал экономические предпосылки возникновения восточного строя, то он, несомненно, очень гиперболизировал роль «гидравлики» (работ по строительству водохозяйственных сооружений), чем давал несомненные основания для обвинений в географическом материализме. Редко кто из критиков не упускал возможности подчеркнуть, что в таком-то и таком-то восточном обществе (скажем, в Персии времен Ксеркса и Дария) были институты «восточного деспотизма», но не было крупномасштабного орошения.

Вопрос об ирригации вообще является «больным местом» концепций АСП. Число восточных цивилизаций, экономика которых в решающей степени зависела от строительства крупных водохозяйственных сооружений, довольно невелико: Египет, зависящий от Нила; государства Ближнего Востока в долинах Тигра и Евфрата; районы Китая, прилегающие к Янцзы и Хуанхэ. К тому же и в этих регионах строительство плотин и регулирование водопользования часто происходило на уровне отдельных общин или районов, а не на уровне государства в целом. Еще во время дискуссии рубежа 1920–1930-х гг. кто-то из критиков ехидно заметил, что, мол, концепция АСП «построена на воде». Это замечание тем более относится к Виттфогелю, который одним только термином «гидравлическое общество» подставился под стрелы критиков.

Концепция «Восточного деспотизма» только выиграла, если бы К.А. Виттфогель проанализировал общественно-полезные

функции азиатского государства более широко — не только ирригация, но и строительство насыпных террас, централизованное распределение ценных продуктов и инструментов, создание амбарной системы и т.д.

Следует все же подчеркнуть, что сам Виттфогель хотя и выдвигал на передний план свою излюбленную «гидравлику», но не забыл перечислить и обширное количество иных, негидравлических видов деятельности государства на Востоке (см. рис. 1). Чтобы избежать обвинений в географическом фатализме, Виттфогель выдвинул тезис об осознанной «свободе выбора» между патриархальной бедностью и развитием ведущей к деспотизму ирригации, которой якобы обладают первобытные племена. Такое объяснение выглядит, как справедливо отмечали критики, очень искусственным, ведущим к историческому волюнтаризму.

Наконец, один из рецензентов справедливо упрекнул автора «Восточного деспотизма» в том, что у него из поля зрения почти совершенно выпала азиатская община¹⁷, что серьезно обеднило виттфогелевский анализ производительных сил восточного строя.

Не меньше возражений у оппонентов вызвали идеи Виттфогеля о путях эволюции гидравлического общества. «Восточный деспотизм характеризуется как внеисторическое явление, которое не развивается во времени, а лишь многообразится в пространстве», — метко подметил Р.М. Нуреев¹⁸. Схожие замечания делали и многие зарубежные исследователи¹⁹.

Действительно, эволюция «восточного деспотизма» сводится в монографии К.А. Виттфогеля к его расползанию, подобно чернильному пятну, из центра/ядра в зоны периферии и субпериферии. Сам механизм «расползания» (институционального экспорта) Виттфогелем скорее постулируется, чем исследуется.

Единожды возникнув, «гидравлическое общество» предстанет перед читателем «Восточного деспотизма» как своего рода застывший монумент. Между тем сам К.А. Виттфогель еще в конце 1930-х гг. высказал ряд ценных замечаний о путях спонтанного развития азиатского строя. В статье «Теория восточного общества» (1938 г.) он выдвинул тезис о двух фазах развития древневосточной общественной формации:

- на первом этапе эксплуататорское деспотическое государство сосуществует с собственностью сельской общины на землю;
- на втором этапе общинная собственность постепенно исчезает, но идущая ей на смену частная собственность по-прежнему подчинена деспотическому государству.

Развитие частной собственности на землю порождает тенденцию к образованию феодальных структур, однако эти структуры периодически уничтожаются, а древневосточные укрепляются. Это круговращение Виттфогель назвал своего рода «порочным кругом» истории докапиталистического Китая. Немецкий историк Е. Флорат (из ГДР), анализируя эти идеи опального в те годы автора, признал, что их «можно рассматривать как достойное внимания обогащение марксистского анализа»²⁰. Можно лишь сожалеть, что они не получили в «Восточном деспотизме» дальнейшего развития.

Не выглядит убедительным и тезис об отсутствии на Востоке классовой борьбы. Корректнее было бы предположить, что противоборство между государством-классом (правлящей бюрократией) и классом подданных создает определенные импульсы к развитию, но специфика производительных сил Востока ограничивает его вращением по виткам циклов «порочного круга».

«Восточный деспотизм» и «реальный социализм». Антисоветская направленность концепции «восточного деспотизма» закономерно вызвала нарекания как среди историков-марксистов, так и среди многих западных историков немарксистского направления (например, А.Дж. Тойнби). И это не удивительно: интеллектуалы Запада стремились встать выше политических баталий «холодной войны», а обществоведы социалистического лагеря не могли не писать в просоветском духе.

В последние десятилетия вектор научного менталитета в нашей стране изменился едва ли не противоположным образом — появилась мода на огульную критику марксистской мировоззренческой парадигмы и советской истории. Если взглянуть на концепцию «восточного деспотизма» под этим углом зрения, то она предстанет перед нами как пример «умного» антисоветизма, который соединяет острую критику «реального социализма» с уважительным отношением ко многим идеям основоположни-

ков марксизма (что отнюдь не исключает критических высказываний в их адрес).

Конечно, взгляды Виттфогеля на историю России/СССР дают немало оснований для критики. Идеи К.А. Виттфогеля о качественном подобии азиатского способа производства и «реального социализма» сразу вызвали горячий интерес у зарубежных советологов, а затем прочно вошли в их теоретический арсенал. Зато тезис Виттфогеля о генетической связи между добуржуазными обществами Востока и Советской Россией одобрения у них не вызвал. Действительно, институты «восточного деспотизма» (власти-собственности) начали в Москве активно развиваться примерно с XV в., т.е. на излете и после монголо-татарского ига. Самое главное, не просто понять, как кочевники-татары (которые к тому же хотя и грабили Русь, но не оккупировали ее) умудрились передать москвитам институты деспотизма из далекого Китая. Ведь между Золотой Ордой и монгольской империей Юань в Китае контактов практически не было.

«Столкнувшись с сопротивлением исторического материала, — пишет Александр Янов, — Виттфогель реагирует на это не как на феномен, требующий нового исследования, а лишь как на досадное препятствие, которое необходимо преодолеть, чтобы, несмотря на него, все-таки доказать заранее заданный тезис»²¹. Предложенное Виттфогелам объяснение причин «русского деспотизма» как «заимствования» у Китая через монголов оказывается поэтому крайне искусственным — скорее художественным образом, чем научным выводом.

Уже М.С. Восленский справедливо заметил, что Виттфогель чрезмерно увлекается монокаузальным объяснением возникновения деспотизма как политического следствия непременно крупных ирригационных работ. Принимая тезис о «восточно-деспотическом» характере СССР, М.С. Восленский предложил более корректное объяснение причин его возникновения: тотальное огосударствление возникает всегда в условиях, требующих централизации и мобилизации всех сил общества на решение экстремальных задач, которые могут порождаться развитием не только ирригационного сельского хозяйства, но и промышленной индустрии²².

* * *

Дать общую оценку «Восточному деспотизму» К.А. Виттфогеля, несмотря на минувшие полвека, довольно трудно. Очевидно, что «воды» («гидравлики») в его концепции оказалось слишком много. Столь же очевидно, что вынесенное в заглавие книги обозначение главного института восточных обществ оказалось не очень удачным по форме, но точно указывающим на объект и стимулирующим поиск более содержательных обозначений (как «власть-собственность» Л.С. Васильева). Вероятно, главной научной заслугой немецко-американского институционалиста станет марксистская в своей основе идея сравнительного анализа до-индустриальных обществ с точки зрения формационной эволюции.

Примечания

¹ О дискуссиях, посвященных АСП, см., например: Нуреев Р.М. Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1979. Вып. 5.

² Wittfogel К.А. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957.

³ См., например: Виттфогель К. Беглец. Трагедия в семи телефонных разговорах (<http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2774.html>).

⁴ Виттфогель К.А. Пробуждающийся Китай. Л., 1926; Виттфогель К.А. Проблемы экономической истории Китая // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 20; Виттфогель К.А. Геополитика, географический материализм и марксизм // Под знаменем марксизма. 1929. № 2–3, 6, 7–8.

⁵ Виттфогель К.А. Геополитика, географический материализм и марксизм // Под знаменем марксизма. 1929. № 7–8. С. 20.

⁶ Wittfogel К.А. *Wirtschaft und Gesellechaft Chinas*. Bd. I. Leipzig, 1931.

⁷ *Op. cit.* P. 763–767.

⁸ Цит. по: Пиков Г.Г. Из истории исторической науки: Карл Август Виттфогель (1896–1988) // Сибирское археологическое обозрение. Вып. 1. Новосибирск, 2001.

⁹ См.: <http://www.washington.edu/research/showcase/1949b.html>.

¹⁰ Последним его крупным трудом стала монография: Wittfogel К.-А. *Agriculture: A Key to the Understanding of Chinese Society, Past and Present*. Canberra, 1970.

¹¹ Society and History. Essays in Honor of Karl August Wittfogel. Hague, 1978.

¹² Андрианов Б.В. Концепция К. Виттфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976; Левада Ю.А. Рец. на: К. Виттфогель. Восточный деспотизм // Советское китаеведение. 1958. № 3; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 190–192; Никифоров В.Н. Место Карла Августа Виттфогеля в истории больших дискуссий // Народы Азии и Африки. 1990. № 5; Павлова-Сильванская М.П. Зарубежные критики о книге К. Виттфогеля «Восточный деспотизм» // Народы Азии и Африки. 1971. № 2; Павловская А.И. О концепции «гидравлического общества» К. Виттфогеля // Вестник древней истории. 1965. № 4; Florath V. Die Entwicklung der Auffassung K.A. Wittfogels uber die Geschichte der asiatischen Welt // Etnnographisch.-Archaologische Zeitschrift. 1989. № 4; Lewin G. Von der «Asiatischen Productionsweise» zur «Hydraulic society». Der Werdegang eines Renegaten // Jahrbuch fur Wirtschaftsgeschichte. 1967. Bd. IV.

¹³ Левада Ю.А. Указ. соч. С. 197.

¹⁴ Едва ли не единственная публикация постсоветских лет, специально посвященная К.А. Виттфогелю, это: Пиков Г.Г. Из истории исторической науки: Карл Август Виттфогель (1896–1988) // Сибирское археологическое обозрение. Вып. 1. Новосибирск, 2001 (<http://x.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=Wittfogel.htm&id=739>).

¹⁵ Здесь и далее страницы указаны по немецкому переводу книги Виттфогеля: Wittfogel K.A. Die Orientalische Despotie. Eine vnrgleichent>r Untersuchung totaler Macht. Prankfurt/M-Berlin-Wien, 1977.

¹⁶ Для сравнения — интересная формулировка из введения к «Восточному деспотизму»: «Предлагаемая работа исследует классовые отношения общества, господа которого были не владельцами большой оперативной части собственности, но владельцами оперативной и деспотической государственной власти...» (С. 27).

¹⁷ Павловская А.И. Указ. соч. С. 188–189.

¹⁸ Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций (Диалектика производительных сил и производственных отношений). Душанбе, 1989. С. 181.

¹⁹ Павлова-Сильванская М.П. Указ. соч. С. 164, 166–167.

²⁰ Florath V. Op. cit. P. 709–710.

²¹ Янов А.Л. Три лика «русского деспотизма» // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 55–56. См. также: Янов А. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 220–235.

²² Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 578–579.